

Г.Л.ПЕРВЫЙ

ГАРВАРДСКИЙ ПРОЕКТ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

История СССР послевоенного периода привлекает внимание в основном российских исследователей. Современная украинская историография проблемы бедна и непоследовательна. Причина такого явления понятна: современная Россия с целью воспитания патриотического чувства у своих граждан активно развивает идею о великой России с древних времен и до современности. СССР, достигший в послевоенные годы высшей точки мирового могущества, весьма удачно вплетается в новую историческую канву.

Украинская историография, построенная от противного: советский период в истории Украины – годы национального, социального и политического угнетения украинского народа, весьма критически оценивает советский опыт украинской истории. Тем не менее, изучение украинской политической и социальной истории советского периода невозможно без осознания исторических процессов в Украине в тесной взаимосвязи с политическими, экономическими и социальными процессами в России и СССР в целом.

Изучение российского опыта исторического анализа политической истории СССР свидетельствует о том, что российская историография проблемы длительное время находится под сильным влиянием зарубежной историографии – советологии. Многие концепции и теории советологии стали классическими в современной политологии и социологии: тоталитарная концепция, патрон-клиентелистская модель, номенклатура как отдельный правящий класс советского общества и другие. Несмотря на то, что многие из указанных концепций уже на этапе их разработки и опубликования подвергались острой и справедливой критике, их влияние на

современную российскую историческую науку очевидно. Прослеживается закономерность: на этапе критики советской политической системы (80-90-е гг. XX века) преобладали откровенно антикоммунистические концепции, осуждавшие советский строй в целом и любых его проявлениях. В начале XXI века все большее значение получают либеральные советологи – Коэн, Андерсон и другие.

Влияние советологии на российскую, а косвенно и на украинскую историографию политической истории СССР вызывает закономерный интерес к источниковой базе западных исследований, объективности и обоснованности их теорий и обобщений.

Сами советологи неоднократно свидетельствовали о скудости источников по истории СССР советского, особенно послевоенного периода[1, с. 5; 2, с. 12; 3, с. 21; 4, с. 6; 5, с. 15]. "Холодная война", острое идеологическое противостояние разделили страны восточного и западного мира железным барьером. Доступ к документальным, особенно неопубликованным, источникам для зарубежных исследователей был практически закрыт, общение иностранцев с советскими гражданами было сведено к минимуму, что лишало советологов важной социологической информации. Оставались только опубликованные источники, богатая коллекция которых накопилась в крупнейших библиотеках США, а также официальная информация средств массовой информации. Все доступные источники тщательно анализировались, но явно ощущался недостаток информации, нуждавшейся в минимальной корреляции. Возможно, именно поэтому, проведение такого масштабного социологического исследования как Гарвардский проект вызвало такой резонанс в научной среде.

Целью нашей статьи мы видим анализ различных точек зрения на Гарвардский проект как источник по истории политической системы СССР послевоенного периода.

Вкратце напомним историю Гарвардского проекта. В 1950 году специалисты Гарвардского и Колумбийского университетов провели

пилотное исследование среди бывших советских граждан: бывших военнопленных и перемещенных лиц, оставшихся на территории Германии. Первые же результаты показали перспективность возможных исследований. В 1951 году началось масштабное социологическое исследование на территории Германии, Австрии и США под названием Гарвардский проект. По сведениям Е.Кодина было опрошено около 4 тыс. чел[6, с. 72], по информации советологических публикаций цифра опрошенных гораздо скромнее¹[8, с. 393]. Исследование включало в себя проведение персональных интервью, экспертный опрос, анкетный опрос, психологические тесты среди опрошенных бывших советских граждан и американцев. Гарвардский проект завершил сбор эмпирической информации к 1954 году[1, с. 6]. Обработка и публикация результатов исследования пришлось на 1955-1956 годы.

Следствием Гарвардского проекта стала публикация большого количества научных исследований по различным сферам общественной и политической жизни СССР [9-15]. По мнению советологов, в 50-е годы результаты Гарвардского проекта стали одним из основных источников сведений о многих аспектах жизни советских людей довоенного и военного периода, особенностях политического процесса и социальных отношений в СССР. Значимость проекта подтверждает один из немногих исследователей Гарвардского проекта в России – Е.В.Кодин.

Закономерным является вопрос финансирования столь масштабного проекта. Зарубежные исследователи, использовавшие результаты Гарвардского проекта, ни разу не упомянули об этом важном аспекте. Е.Кодин в своей книге "Гарвардский проект" довольно подробно рассматривает именно этот вопрос, увязав его с более общей проблемой – социального заказа советологии как науки. По его убеждению, Гарвардский проект является государственным заказом военного ведомства (в частности

¹ Зви Гительман пишет о 329 опрошенных советских мигрантов и перемещенных лиц.

ВВС). В качестве аргументов в пользу своего предположения Е.Кодин приводит архивный документ о контракте ВВС США и Гарвардским университетом[6, с. 32], в приложениях приводит предложения ВВС по поводу интересующих вооруженные силы вопросов[6, с. 160], указывает на вопросы анкеты, которые касаются возможной атомной бомбардировки советских городов и определения возможных стратегических целей бомбардировки.

Последовательность аргументов, ссылки на архивные документы позволяют согласиться с положением Е.Кодина о том, что Гарвардский проект, помимо научной значимости, являлся практическим заказом и преследовал утилитарные цели в условиях "холодной войны". Вероятно, в условиях разгула маккартизма в США, реальной угрозы развязывания новой мировой войны, проведение чистого научного исследования такого масштаба было в принципе невозможно.

В этой связи особое значение приобретает проблема объективности и научной самостоятельности советологии как научной дисциплины. Прямой социальный заказ в виде сбора стратегических разведывательных данных, формирования определенного стереотипа восприятия СССР и социалистического блока в целом уже не подлежит сомнению. Многие современные российские исследователи советологической историографии подтверждают этот факт[7, с. 16-21]. С другой стороны, наличие различных школ, не всегда антикоммунистическая направленность советологических исследований, позволяют судить о том, что утилитарное военное и политическое значение советологии не всегда ставилось во главу угла учеными и студентами советологических образовательных центров. Вероятно, в данном вопросе необходимо взвешенно подходить к научным, политическим и военным целям формирования и функционирования советологической науки.

Объем полученной социологической информации об СССР после проведения исследований оказался поистине огромным. Тысячи анкет

отражали статистически максимально возможное количество респондентов, заполненные анкеты дали пищу для размышления по многим вопросам политической, социальной, культурной и национальной жизни советского общества в основном довоенного периода.

Наиболее значимой для советологов оказалась информация об организации политической системы, особенностях восприятия этой системы советскими гражданами, их понимании организации государственного аппарата и эффективности его деятельности.

Основной проблемой, вызывавшей споры среди исследователей, анализировавших полученные данные, стал вопрос о соответствии отношения советских граждан к той или иной ситуации и их поведения в этой ситуации. Часть исследователей, например Р. Верба, считали, что в понятие политической культуры следует включать только отношение. Однако большинство специалистов, и среди них такие известные ученые, как Р. Такер и С. Уайт, включали в это понятие и отношение и поведение. Они в основном склонялись к последней точке зрения, т. к. в ситуации, когда люди практически полностью зависимы от власти и не имеют возможности свободно выражать свою позицию, их отношение и поведение, конечно, не равнозначны. По их мнению, одна из задач советской политической системы заключалась именно в том, чтобы заставить людей действовать не в соответствии со своими взглядами и оценками, а в соответствии с желанием (отношением) власти.

Особое внимание советологи обратили на взаимоотношение партийных и государственных органов. В основной работе, написанной на результатах Гарвардского проекта "Как работает советская система" указывалось, что партийный аппарат составлял правительство внутри правительства СССР, а партийные органы стали высшим эшелоном государственной власти[5, с. 23]. Одной из функций партийного аппарата стало утверждение жесткого контроля за социальной жизнью в СССР, особенно армии и репрессивного аппарата.

Результаты социологического опроса предоставили возможность оценить экономические отношения в СССР. Советологи сделали вывод о существовании жесткой системы централизованного управления национализированной экономики, создании иерархической системы организации промышленного производства [5, с. 26].

Социальная система, по мнению исследователей Гарвардского проекта, в целом отвечала организации населения индустриального общества, хотя указывали на ряд особенностей – широкая система социальных гарантий и социальной помощи при жестком подавлении любой самостоятельности в виде независимых профсоюзов.

Большой объем информации о национальных отношениях в СССР, вылился в основном в освещение еврейского вопроса. В книге "Антисемитизм в СССР" указывалось, что большинство респондентов отрицательно относились к еврейскому населению СССР, только 25% опрошенных высказали дружественное отношение к евреям. К удивлению советологов, остальные национальные проблемы в СССР не стали объектом социальной напряженности и, возможно именно этим объясняется недостаточное внимание к национальному вопросу в последующих советологических исследованиях, за редким исключением.

Исследования, основанные на результатах Гарвардского проекта, стали предшественниками многих последующих научных трудов, направлений советологической мысли.

Подводя итоги рассмотрению Гарвардского проекта как источника по истории СССР довоенного и военного периода, можем отметить, что результаты проекта, несмотря на его практическую направленность – получить информацию, критически важную для вооруженных сил США, стали одним из важнейших источников по истории СССР, надежность и достоверность которых, тем не менее подвергались сомнению как самими советологами, так и российскими критиками советологической историографии.

Примечания

1. Armstrong J. Ideology, Politics and Government in the Soviet Union: An Introduction. – N.Y., 1974. – 236 p.
2. Brown A. Soviet politics and political science. – MacMillan, 1971.
3. Dmytrishin B. USSR: A concise history. – N.Y., 1978. – 646 p.
4. The nationalities factor in soviet politics and society / Ed. by L.Hajda. – Boulder, 1990. – 331 p.
5. Bauer, Raymond A., Alex Inkeles, and Clyde Kluckhohn: How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes, 1956.
6. Кодин Е.В. "Гарвардский проект" – М.: РОССПЭН, 2003. – 208 с.
7. См. Меньковский В.И. Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы. Мн.: БГУ. - 2001. - 188 с.; Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5; 3. Петров Е. В. История американского россиеведения: Курс лекций. СПб., 1998. – 612 с.
8. Zvi Gitelman. Antisemitism in the contemporary world. – Lnd., 1986
9. Berliner, Joseph S.: Factory and Manager in the USSR, 1957. Field, Mark G.: Doctor and Patient in Soviet Russia, 1957.
10. Bauer, Raymond A., "The Bolshevik Attitude toward Science," in Carl J. Friedrich, ed., Totalitarianism, Cambridge, 1954.
11. Bauer, Raymond A., "The Implications of the Succession Crisis in the Soviet Union for East-West Relations," Social Problems, October 1953.
12. Bauer, Raymond A., "The Psychology of the Soviet Middle Elite," in Clyde Kluckhohn, H. A. Murray, and D. M. Schneider, eds.. Personality in Nature, Society and Culture, New York, 1953.
13. Berliner, Joseph S., "Blat is Higher than Stalin," Problems of Communism, January-February 1954.
14. Field, Mark G., "Alcoholism, Crime and Delinquency in Soviet Society," Social Problems, October 1955.

15. Field, Mark G., "Former Soviet Citizens' Attitudes toward the Soviet, the German and the American Medical Systems," *American Sociological Review*, December 1955.